

Д.Н. МАМИН
СИБИРЯК

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Сократ Иваныч (Сибирские рассказы)

МАМИН, Дмитрий Наркисович, псевдоним — Д. Сибиряк (известен как Д. Н. Мамин-Сибиряк) (25.X(6.XI).1852, Висимо-Шайтанский завод Верхотурского у. Пермской губ.- 2(15).XI.1912, Петербург) — прозаик, драматург. Родился в семье заводского священника. С 1866 по 1868 г. учился в Екатеринбургском духовном училище, а затем до 1872 г. в Пермской духовной семинарии. В 1872 г. М. едет в Петербург, где поступает на ветеринарное отделение Медико-хирургической академии. В поисках заработка он с 1874 г. ста-

новится репортером, поставляя в газеты отчеты о заседаниях научных обществ, В 1876 г., не кончив курса в академии, М. поступает на юридический факультет Петербургского университета, но через год из-за болезни вынужден вернуться на Урал, где он живет, по большей части в Екатеринбурге, до 1891 г., зарабатывая частными уроками и литературным трудом. В 1891 г. М. переезжает в Петербург. Здесь, а также в Царском Селе под Петербургом он прожил до самой смерти.

Содержание

I.....	.0006
II.....	.0016
III.....	.0027
ПРИМЕЧАНИЯ.....	.0032

Д.Н. Мамин-Сибиряк

Сократ Иванович

***Глава из романа «Железный
голод»***

... Сократ Иваныч страшно волновался. Уже целых две недели. Вся петербургская главная контора Загорских заводов тоже волновалась и по той же причине, именно — старика заводовладельца Иннокентия Павлыча Мутнова разбил паралич, и ждали его единственного наследника Павла Иннокентиича, который проживал большую часть своего времени за границей. «Старик» Иннокентий Павлыч совсем не был стариком, — ему только исполнилось пятьдесят лет, но благодаря широкой барской жизни он представлял из себя ходячую развалину. Выписанный из-за границы знаменитый доктор, которому заплатили за визит двадцать пять тысяч, осмотрел больного, покачал головой и сказал:

— Вы только напрасно бросили ваши деньги, вызывая меня. Этому человеку нужно было умирать восемь лет тому назад...

Заграничная знаменитость не стеснялся и говорил это при больном, который смотрел на него непонимающими глазами и бормотал:

— Пэ-пэ-пэ!..

Сократ Иванович, в качестве близкого человека, присутствовал при этой сцене, и его душили слезы. «Господи, за что такое божеское попущение? Уж, кажется, Иннокентий Павлыч не делал ли добра — и вдруг все копчено. Добрейшей души был человек, а тут хуже несмысленного младенца. А все эти заграничные дорогие доктора довели... Чуть что — и сейчас за границу. Ох, уж эта заграница, унесла она много веку у Иннокентия Павлыча. Кажется, здоровьем бог не обидел, — когда в полку служил, все остзейские бароны удивлялись его здоровью, потому как мог целую неделю пить без просыпу, а потом ледяную ванну примет и опять, как стеклышко. Да, была сила, кажется, век бы ее не изжить... Конечно, впоследствии времени, когда Иннокентий Павлыч перешли на одну русскую водку, они сразу начали жиреть и достигли восьми пудов веса, — так что же из того? Бывают господа и еще поувесистее. Ну, а там от театра много Иннокентий Павлыч перетерпели, можно сказать, настоящую муку принимали — и француженки, и балетчицы, и на-

ездницы из цирка».

С другой стороны, жалея «старика», которому служил всю жизнь, как служил его отцу на уральских заводах, Сократ Иваныч рассчитывал что-нибудь получить на свою долю от нового барина, который в заводских делах, конечно, ни в зуб толкнуть. Считая себя самым близким человеком к Иннокентию Павлычу, каким он был в действительности, Сократ Иваныч имел полное основание рассчитывать, что будет как бы по наследству пользоваться благоволением и нового заводладельца.

«Куда же он без меня-то? — думал Сократ Иваныч, перебирая в уме свои заслуги „старика“. — Молоденек еще, в настоящий разум не вошел, да и не господское это дело, чтобы разную черную работу делать».

Заветной мечтой Сократа Иваныча было попасть в почетные опекуны или что-нибудь в этом роде, неотчетливое, бесконтрольное и всесильное. До сих пор судьба к нему благоволила. Отец Сократа Иваныча был простой заводский фельдшер, влачивший самое жалкое существование благодаря запою. Со-

крат Иваныч выдвинулся своими редкими способностями еще в заводской школе, откуда его по протекции заводского управляющего поместили в гимназию, а из гимназии он уже сам пробрался в университет, где и окончил юридический факультет. С университетским дипломом в кармане ему, конечно, везде была скатертью дорога, но он вернулся на родной Урал и на своих заводах начал прохождение службы, переходя с места на место по лестнице довольно сложной заводской иерархии. Но все эти ступеньки, в сущности, не вели ни к чему, как понимал и сам Сократ Иваныч, но он выплыл на свежую воду, когда пришлось ликвидировать заводское крепостное право. Он сразу сделался крупной силой, потому что обставил такими непроходимыми западнями уставную грамоту, что и до сих пор заводское население ведет нескончаемую тяжбу о земле. За этот подвиг Сократ Иваныч был вызван в Петербург, где и был представлен лично самому Иннокентию Павлычу, который ни разу не бывал на своих уральских заводах. В представлении заводского населения владелец заводов был чем-то вроде полу-

бога, и даже Сократ Иваныч испытывал какой-то суеверный страх, когда представлялся ему в первый раз. Этот страх усиливался особенно тем, что здесь все говорили только по-французски, а он дальше грамматики не пошел.

— Много слышал о вас... да... — шепеляво говорил Иннокентий Павлыч, тогда еще молодой, но уже обрюзглый от полноты человек. — Да, много... Мне будет приятно работать вместе с вами... да.

Близкими людьми к владельцу тогда были один остзейский барон и польский граф без титула. Насколько добродушно отнесся сам владелец к своему заводскому самородку, настолько высокомерно встретили его эти приспешники. Они даже не подавали ему руки, и Сократ Иваныч сразу понял, какую борьбу ему придется вынести с этими случайными людьми.

Попав в Питер, Сократ Иваныч потянул новую ляжку. Вся контора косилась на него, как на выскочку, и приходилось иметь дело со сплоченным годами, дружным врагом. Много было неприятностей и каверз, пока Сократ

Иваныч преодолел все и крепко стал на ноги. Он одевался по-провинциальному и прикидывался простаком, которого только телята не лижут. Именно эта уловка и производила самое выгодное впечатление на Иннокентия Павлыча, который, хлопая верного раба по плечу, любил говорить:

— Самородок ты у меня, Сократ Иваныч... да... настоящий самородок!..

Сократ Иваныч носил старомодные длиннополые, с узкими рукавами, высокой талией и широким воротником сюртуки, пестрые бархатные жилеты и повязывал шею черной косынкой, брился каждый день и зачесывал волосы по-старинному — височками. За обедом он ел рыбу с ножа, брал соль пальцами, крошил в суп хлеб и шампанское закусывал соленым огурцом. Последнее приводило Иннокентия Павлыча в восторг, и он показывал своим гостям уральского самородка, как редкость. Нужно сказать, что Сократ Иваныч никогда не унижался перед своим владыкой и вообще держал себя с большим достоинством. В конторе он скоро сделался силой, так что недавние враги стали заискивать перед

ним и скоро почувствовали на себе его тяжелую руку. Но Сократу Иванычу контора совсем не была нужна; у него были другие планы и мысли, слишком далекие от канцелярской работы.

Благодаря протекции владельца, Сократ Иваныч сделался известным и в «сферах». С ним начали советоваться по заводским делам настоящие особы, дельцы и даже ученые люди. Последним шагом было его появление в ученых обществах, где трактовались вопросы отечественной промышленности и где составлялись всевозможные ходатайства. Сократ Иваныч и здесь не потерялся, хотя и считал нужным скрывать полученное им университетское образование. Он говорил по-сибирски на «о» и любил уснащать речь народными поговорками. Орудовавшие здесь представители науки совсем не знали провинции, и Сократ Иваныч для них сделался незаменимым, золотым человеком, тем более, что он всегда точно прятал самого себя, оставляя ученым людям приятную уверенность, что они додумались до всего своим собственным умом. Он никуда не лез, не втирался, не искал

протекции, не домогался влиятельных связей, а шел по своей собственной дороге спокойно и уверенно, как работает хорошо налаженная машина. Кончилось тем, что Иннокентий Павлыч начал гордиться своим самородком и слепо верил каждому его слову. И Сократ Иванович не обманул этого доверия, потому что от чистого сердца работал в интересах процветания фамилии Мутновых.

— Это мой Ришелье, — говорил про него Иннокентий Павлыч. — Уж он вывезет из всякой беды... Другого такого человека не найти.

В скромной деятельности Сократа Ивановича была прямо блестящая эпоха, именно — в разгар промышленного прогресса России, когда воссияли железнодорожные концессионеры и нарождались всевозможные акционерные общества, банки и предприятия, как грибы после дождя. Это был великий промышленный праздник, когда из ничего создавались миллионы. Приглашали и Сократа Ивановича на этот пир, но он скромно отказался.

— Где уж нам с суконным рылом в калашный ряд. Со своими-то делишками дай бог управиться...

А делишки у Сократа Иваныча были не маленькие. После эмансипации, когда отошла даровая живая рабочая сила, нужно было ее чем-нибудь заменить и заменить так, чтобы миллионный дивиденд Иннокентия Павлыча не умалился ни на одну йоту. Последнее было слабостью Сократа Иваныча. Там, где-то далеко на Урале, делались сокращения, урезки, тысячи мелочных прижимок, а здесь, в Петербурге, получался желаемый миллион ежегодного дохода. Сократ Иваныч все предусматривал, все предвидел, и на все у него было свое средство, хотя и приходилось трудненько. Нужно было заменить расход на живую заводскую силу чем-нибудь новым. Сократ Иваныч понимал, что он, как один человек, бессилен, и что нужно было создать артель, как он называл синдикаты. Конечно, дело было нелегкое, потому что свои уральские заводчики тянули кто в лес, кто по дрова, и приходилось тащить их чуть не за волосы.

В самый критический момент, когда Сократ Иваныч готов был прийти в отчаяние, выручили его американцы, которые привезли в Нижний на ярмарку листовое кровель-

ное железо по 1 р. 20 к. за пуд, тогда как уральское не могло продаваться дешевле 4 рублей. Американское дешевое железо произвело настоящую панику среди уральских горнозаводчиков и поневоле сплотило их. Результатом этого получилась та высокая пошлина на заграничный чугун, благодаря которой пуд чугуна, стоивший в Лондоне 14 копеек, в Петербурге стоил 1 рубль. Разница в этих ценах оставалась в карманах уральских горнозаводчиков, что делалось в интересах преуспевания русского горного дела, потому что «Россия для русских». В переводе покровительство заводчикам означало то, что русский народ ежегодно должен был выплачивать заводчикам минимум двадцать миллионов рублей — «не пито — не едено», как выражался Сократ Иванович.

Года за три до паралича Иннокентия Павлыча в русском заводском деле произошел неожиданный крутой переворот, которого не предвидел даже Сократ Иваныч. Вышло так, что китайской стеной пошлин на привозный из-за границы чугун они не только не обеспечили себя, а даже послужили на пользу заграничной конкуренции. Хитрый иностранный человек перевел свои капиталы в Россию, настроил на юге заводов и преспокойно начал откладывать в свой бездонный заграничный карман заграничную пошлину, увеличивая производство с невероятной быстротой. Даже веривший всему, что скажет Сократ Иваныч, Иннокентий Павлыч заметил ему:

— А ведь того, Сократище, мы, собственно, для них поработали... А? Они в наши готовые сани сели, да и поехали... Теперь уж они вырабатывают столько, сколько мы вырабатываем при всех наших привилегиях, при даровой земле, лесах и водяных двигателях, при фабриках, созданных еще даровым крепостным трудом, а через десять лет будут выраба-

тывать втрое больше нашего и сожрут всю заграничную пошлину. Так я говорю?

— Да-а... вообще... — бормотал Сократ Иваныч. — А мы что-нибудь придумаем...

Звезда Сократа Иваныча пошла к закату, чего не желал замечать только он один. В петербургской конторе уже чуть не в глаза смеялись над ним, особенно главный заводской юрисконсульт Мирович, человек неизвестного происхождения, выросший у него под носом совершенно незаметно, как вырастают новые зубы. Когда Иннокентия Павлыча хватил паралич, юрисконсульт при всех сказал всеильному Сократу Иванычу:

— Ну, ваша песенка спета, многоуважаемый... Вы создали в России железный голод, а придется его расхлебывать уж другим.

Сократу Иванычу пришлось вынести в жизни много, и он только улыбнулся. Очень уж смел юрисконсульт — видно, из молодых, да ранний... Не таких фендриков обламывали. Обиднее всего было то, что на стороне юрисконсульта были все служащие в конторе, чего, как опытный служака, Сократ Иваныч, конечно, не мог не замечать. Но у него

уже выработалась логика избалованного счастьем человека, и он отнесся к общественному мнению своего заводского муравейника свысока. Поболтают и перестанут. Даже на юрисконсульта Сократ Иваныч не мог рассердиться по-настоящему, потому что тот умел говорить все в каком-то шутливом тоне. «Погодите, вот приедет молодой барин, тогда увидим... — думал про себя упрямый старик. — Легкое-то перо поверх воды плавает...»

Но все-таки Сократ Иваныч волновался, особенно, когда молодой барин известил о своем приезде не его, а контору. Иннокентий Павлыч, когда уезжал на теплые воды, никогда так не делал.

Время тянулось ужасно медленно, хотя, кажется, терпению можно было научиться при безалаберном Иннокентии Павлыче, у которого всегда было семь пятниц на неделе. Вот так же напишет, что выезжает завтра, а потом и жди его. Сократу Иванычу случалось дежурить на варшавском вокзале по целым неделям.

Можно себе представить изумление старика, когда ему доложили, что молодой барин

приехал.

— Когда приехал?!

— Да уж, почитай, дня с три, — ответил его собственный секретарь.

— Три дня?! Не может быть...

— Верно-с, Сократ Иванович...

— Как же меня не известили?!

— Барин устали с дороги и приказали никому не говорить о своем прибытии. Даже в конторе никто не знал-с... В том роде, как инкогнито.

Сократ Иванович полетел в контору. Оказалось, что там все знали, когда приехал владелец, а юрисконсульт Минович заметил:

— Что же тут особенного, Сократ Иванович? С каждым поездом люди приезжают из-за границы, и я не раз приезжал... Очень просто.

— Да да... — бормотал растерявшийся старик. — Конечно, бывает... Иннокентий Павлыч тоже приезжал... да. Случается...

Самые маленькие служащие, еще недавно трепетавшие пред всесильным Сократом Ивановичем, теперь хихикали над ним, даже не закрывая рот ладонью. Крышка Сократу Ивановичу...

Новый владелец, во избежание беспокойства, остановился не в собственном доме на Васильевском острове, а в Европейской гостинице, что показалось Сократу Иванычу кровной обидой. Что же это такое в самом деле, точно приехал какой-то бедный родственник, который не знает, куда ему голову преклонить. Сократ Иваныч отправился прямо из конторы в Европейскую гостиницу и попросил доложить о себе. Вышел англичанин-камердинер, презрительно оглядел его с ног до головы и даже не удостоил ответа, хлопнув дверью под самым носом Сократа Иваныча. Оставалось только вытолкать его, Сократа Иваныча, в шею...

— Господи, что же это такое? — застонал он. — Это... это... Всю жизнь верой и правдой служил... И вдруг...

Сократ Иваныч послал свою визитную карточку и получил ее обратно.

— Никого не велено принимать, — докладывал лакей. — Они еще изволят почивать...

— Да ведь сейчас скоро два часа?

Сократ Иваныч написал письмо и не получил ответа.

Свидание состоялось только через несколько дней. Молодой владелец написал сам Сократу Иванычу, что ждет его вечером, в девять часов. Когда Сократ Иваныч приехал, то был неприятно изумлен, что у Павла Иннокентича сидит Мирович и что, следовательно, не может быть настоящего, серьезного разговора.

— Ах, очень рад, — говорил Павел Иннокентич, пожимая руку Сократа Иваныча. — Я хорошо помню вас... Прежде вы носили усы... да?

— Нет, не случилось, Павел Иннокентич.

— Ну, так баки или что-то в этом роде...

Павел Иннокентич имел наружность заграничного коммивояжера и по-русски говорил с сильным акцентом. Из наследственных признаков оставалась одна барская шепелявость, усиленная вставными зубами. Мирович смотрел на Сократа Иваныча со своей обычной улыбкой. Старик про себя обругал его прохвостом, который успел забежать вперед и предупредил его.

— Да, рад... — повторял Павел Иннокентич, решительно не зная, что ему говорить с глав-

ным уполномоченным отца. — Решительно, я помню вас... Тогда вы не выпускали изо рта сигары.

— Сроду не курил, Павел Иннокентия.

— Да? Значит, у вас такой вид, как будто вы постоянно курите сигары...

Разговор получался совсем шуточный, как обыкновенно говорил Мирович. Сократ Ивановыч тоже не знал, что ему говорить. Выручил Мирович, который со свойственным ему нахальством проговорил:

— А мы только перед вами, Сократ Ивановыч, вели беседу с Павлом Иннокентичем о нашем русском железном голоде...

— Именно... да! — подхватил, обрадовавшись, Павел Иннокентич. — Ведь вы, Сократ Ивановыч, если можно так выразиться, были одним из авторов этого голода...

— Помилуйте, куда уж мне, — скромно отказался Сократ Ивановыч, отмахиваясь рукой. — Поумнее нас найдутся в Санкт-Петербурге люди... Старался — это было, ничего не жалел.

— Знаю, знаю... — перебил его владелец. — В прошлом году, по вашему предписанию бы-

ло составлено на моих заводах пять тысяч протоколов по части этих... этих... ну, как они по-русски называются?

— Покосы и лесные рощисты... — поправил Сократ Иваныч. — Собственно, нам они не нужны, но нужно было нарушить право давности владения заводских мастеровых... Нам от этих протоколов один убыток. Специального адвоката наняли... гербовых марок сколько истрачено...

— Одной бумаги истрачено сто стоп, — прибавил Мирович. — Это тоже чего-нибудь стоит... чернила... Адвокат свои сапоги изнасил.

Сократ Иваныч замолчал, огорченный до глубины души этим шутовством.

— Нет, поговорите серьезно, — начал Павел Иннокентич, чистя свои ногти щеточкой. — Да, серьезно... Я знаю положение наших заводских дел и... и не желаю себя обманывать. Наше положение вполне критическое, то есть уральских заводчиков, и мы стоим на краю обрыва. Не правда ли? Скажу больше: мы собственными руками создали себе конкурентов. Я знаю, Сократ Иваныч, что

вы серьезно и плодотворно поработали в этом направлении... Нашу пошлину преспокойно кладут в карман южнорусские горнозаводчики, а потом они достигнут перепроизводства и будут играть на понижение железных цен. Кажется, я выражаюсь ясно? Нам с ними трудно будет конкурировать, вернее сказать — невозможно, потому что за них всесокрушающая сила европейского капитала. Не трудно предвидеть и близящийся результат, то есть полное обесценение наших уральских горных заводов...

— Нет, уж это вы позвольте... — вступился Сократ Иваныч, забываясь, что перебивает «самого».

— Позвольте досказать... — мягко остановил его Павел Иннокентич. — Для чего обманывать себя? Наступает эпоха железного голода самих заводчиков, то есть на Урале. Пока мы не создали себе счастливых конкурентов на юге, мы были в цене, как единственные производители железа, а теперь роль переменялась. Но это еще цветочки, а ягодки впереди, — нашим конкурентом явится вся Сибирь, которая до сих пор служила для нас

рынком. Мы потеряли все до одного южные рынки, а сейчас теряем Сибирь...

Павел Иннокентич говорил совершенно спокойно, продолжая чистить ногти. Сократ Иваныч хотел что-то возразить, но был остановлен.

— Позвольте, я доскажу свою мысль... Мне кажется, что мы упустили удобный момент, когда можно было продать заводы.

— Продать?! — в ужасе спросил Сократ Иваныч, не веря собственным ушам.

— Да, продать, — ответил спокойно Павел Иннокентич, не глядя на Сократа Иваныча. — Страшного ничего в этом нет... Вещь самая обыкновенная. Конечно, продать не так, как продают лошадь, а предварительно устроить акционерную компанию и т. д. Понимаете?

— Но ведь заводы посессионные, Павел Иннокентич?

— Вот в том-то и дело... Это тормозит развитие настоящего русского железного дела, и в этом смысле мы должны были действовать сейчас же после эмансипации, когда всякий мужик получил землю. О, тогда была эпоха широких экономических перспектив, а для

государства каких-то несчастных тридцать миллионов десятин — пустяки...

— Совершенные пустяки, — подтвердил Мирович, раскуривая сигару.

Сократ Иваныч хотел что-то опять возражать, но у патрона явился сонный вид, и аудиенция кончилась.

— В другой раз как-нибудь мы кончим беседу, — заявил он, щупая свои виски. — Да, в другой... У меня невралгия.

Это была принятая им манера избавляться от надоедливых людей. Когда дверь за Сократом Иванычем затворилась, Павел Иннокентич понюхал какого-то спирта, улыбнулся и весело проговорил по-французски:

— Что я такое говорил сейчас этому старому дураку?

— Ничего, все правильно, — успокоил его Мирович. — Необходимо его подтянуть с первого раза... В сущности, в нем сейчас столько же нужды, сколько в гнилом зубе, который только мешает.

Сократ Иваныч вернулся домой в совершенно оглушенном виде, точно его ударили обухом по голове. Он понял теперь, почему Минович говорил, что его песенка спета. Да, все было кончено. Вероятно, его место при новом владельце и займет вот этот самый прохвост Минович. А сколько было трудов, хлопот, неприятностей, чтобы Мутновы получали с заводов свой миллион дохода. Сократ Иваныч в буквальном смысле выжимал его из заводов, высчитывая каждую копейку. Он был предан безгранично своим владельцам, сохранял в крови то крепостное право, в котором родился. Это был добровольный раб, не щадивший ничего, чтобы только возвеличить своих патронов.

И вдруг — нет ничего, точно остушился в яму.

— Продать заводы... акционерная компания... — бормотал Сократ Иваныч, шагая по своему кабинету.

Старик понимал, что ему незачем самому идти к новому владельцу и что нужно вы-

ждать время, когда он одумается и сам его призовет. Конечно, призовет... В этом случае Сократ Иваныч, — нужно отдать ему справедливость, — меньше всего думал о самом себе. Что ему — есть у него и свой домишко на Петербургской стороне, за который по случаю заплачено семьдесят тысяч, есть дача в Павловске, есть на черный день и маленькие деньжонки — тысчонок триста. Детей у него не было, а была только одна жена Анфуса Даниловна, из своих, уральских. Для двоих за глаза всего хватит.

«Ничего мне не нужно, — с тоской думал отвергнутый патроном старик. — А для заводов мог бы поработать, и еще вот как поработать... Да, куда угодно пошел бы к другим заводчикам, и сейчас бы назначили тысчонок тридцать в год».

Но разве можно изменить Мутновым? Сократ Иваныч не мог себе представить, как заводское дело могло идти без его руководства. Конечно, стоит ему только уйти, как все пойдет через пень колоду. Земля-то ведь под заводами, в сущности, казенная, и заводское население давно хлопочет о наделе. И дадут на-

дела... Тогда Павел Иннокентич вот как вспомнит Сократа Иваныча... Придет да еще в ножки поклонится. А теперь какой разговор: продать!

Целый месяц Сократ Иваныч ждал, ждал и думал и, наконец, придумал. Это было утром. За утренним чаем он несколько раз повторял:

— Железный голод... хе-хе! Вот я вам покажу, какой бывает железный голод... да-с.

Жена смотрела на него удивленными глазами, ничего не понимая. Она вообще ничего не понимала в его делах да и не интересовалась ими.

— Чему ты радуешься-то? — спросила она.

— А радуюсь, потому что весело... хе-хе!.. Придумал одну веселенькую штучку... Только я к этому форсуну, Павлу Иннокентичу, не пойду. Шалишь... Вот тебе хомут и узда, а я тебе не слуга.

Сократ Иваныч наскоро оделся и отправился к старому барину, у которого уже не был давненько. Больной, конечно, был дома, забытый всеми. Домашний врач еще спал, и Сократ Иваныч вошел без доклада. Больной

сидел в раздвижном кресле и даже не посмотрел, кто вошел в комнату.

— Голубчик, Иннокентий Павлыч, ведь это я... — говорил Сократ Иваныч, трогая его за плечо.

Больной повернулся к нему лицом и забормотал:

— Пэ-пэ-пэ!..

— Да, да, я самый!..

Придвинувшись совсем близко и оглядевшись осторожно кругом, Сократ Иваныч заговорил, быстро роняя слова:

— А ведь я придумал штуку, Иннокентий Павлыч. Теперь, значит, крышка всем этим южнорусским заводчикам. Будет, поиграли... Пора и честь знать.

Больной проявил желание подремать, и его голова свесилась на один бок, но Сократ Иваныч взял его за плечо и заставил слушать.

— Пэ-пэ-пэ! — уже сердито бормотал он, напрасно стараясь освободиться.

— Совершенно верно-с, Иннокентий Павлыч, изволили выразиться: мы им пропишем пэ-пэ!.. И как просто все... — Он придвинулся еще ближе и прошептал больному на ухо: —

Ведь Россия для русских... да? Мы этих южно-русских заводчиков и заставим принять православие, да чтобы по два раза в год каждый говел... Так-с? Народ все упрямый, ну, они и уберутся в свою границу, как тараканы из нетопленной избы...

В дверях стоял доктор и отчетливо слышал все, хотя Сократ Иваныч и говорил шепотом.

«Ну, и этот готов», — думал он, поднимая брови.

ПРИМЕЧАНИЯ

Впервые опубликована в газете «Уральская жизнь», 1899, No№ 70, 74, 77. Включена автором в состав «Сибирских рассказов» в 1905 году. Печатается по тексту: «Сибирские рассказы», т. II, М., 1905.

Глава является частью неосуществленного замысла, перекликающегося с крупнейшими произведениями Мамина-Сибиряка о горнозаводском Урале («Приваловские миллионы», «Горное гнездо» и др.). Образы заводладельцев Мутновых принадлежат к той же группе, что Приваловы в «Приваловских миллионах», Лаптевы в «Горном гнезде»; сходно изображается и окружающая заводских магнатов клика. Так, образ самого Сократа Ивановича есть, несомненно, дальнейшее развитие образа Родиона Антоныча Сахарова из «Горного гнезда»; упоминаемая в главе заслуга Сократа Ивановича по составлению уставной грамоты, сама кличка Ришелье — все это восходит к соответствующим страницам «Горного гнезда» (ср. слова Раисы Павловны в «Горном гнезде» о Сахарове: «... нет, это положительно

Ришелье»). С проблематикой «Горного гнезда» перекликается и тема «железного голода», связанного с хищническим хозяйствованием уральских заводопрмышленников.

Стр. 269. После эмансипации — то есть после отмены крепостного права в 1861 году.